

Научная статья

Протестный потенциал регионального студенчества в России: социальные предпосылки

И. С. Шаповалова , И. Н. Валиева

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Российская Федерация

 shapovalova@bsu.edu.ru

Аннотация

Введение. Протестный потенциал молодежи является сложным, интегративным понятием, позволяющим оценить существующие предпосылки для возникновения протестного напряжения, протестную готовность и протестную активность субъекта. Научной проблемой, стоящей перед отраслевым сообществом, становится установление преемственности между этими показателями и прогнозирование возможных инцидентов в молодежной среде, а также значимых поведенческих реакций на социальные риски среды. Цель статьи – представить результаты исследования существующих социальных предпосылок в оценках студенческой молодежи, способных актуализировать ее протестный потенциал в действие.

Материалы и методы. В статье предложены результаты и анализ материалов исследования 2021 г., проведенного среди студенческой молодежи в российском регионе (Белгородская область) методом комбинированного опроса (онлайн-анкетирование и планшетные интервью) с использованием стихийной выборки, в которой были заложены количественные пределы для участия респондентов разных образовательных учреждений, направлений подготовки и курсов. На базе разработанной онлайн-формы были опрошены 1 557 респондентов в возрасте 18–24 лет, обучающихся в региональных вузах.

Результаты исследования. На основе предложенной типологии протестного потенциала региональный протестный потенциал студенческой молодежи определен как «прогрессирующий» тип – зреющее протестное настроение, имеющее обоснованное недовольство и готовность к его проявлению. Определены региональные предпосылки формирования протестного напряжения, исходя из рефлексии социальной ситуации, оценки социальной защищенности, диагностики нарушения конституционных прав и свобод, а также дискриминации молодежи в сферах получения социальных услуг. Протестная активность студенческой молодежи оценена как незначительная в области нелегитимных форм протеста. Разработаны предложения для учреждений высшего образования по созданию системы управления протестным потенциалом и формированию культуры политического протеста в студенческой среде.

Обсуждение и заключение. Полученные данные позволяют уточнить ряд положений, связанных с политической активностью молодежи, дополнить научный базис по вопросу отраслевых социологий (социологии молодежи, политической социологии), актуализировать научную проблему поиска и разработки методических средств измерения предпосылок протестного потенциала, создания математических моделей прогнозирования протестной активности молодежи. Материалы исследования могут быть востребованы органами управления государственной молодежной политики разного уровня, органами государственного и муниципального управления, органами управления министерства внутренних дел, молодежными организациями, образовательными учреждениями.

Ключевые слова: молодежь, социальное самочувствие, права и свободы, нарушение прав, протестная активность, протестный потенциал, дискриминация

Благодарность: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31728 «Политическое мышление молодежи в российском пространстве политического выбора и самоидентификации».

© Шаповалова И. С., Валиева И. Н., 2022

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under Creative Commons Attribution 4.0 License.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Шаповалова И. С., Валиева И. Н. Протестный потенциал регионального студенчества в России: социальные предпосылки // Интеграция образования. 2022. Т. 26, № 2. С. 345–362. doi: <https://doi.org/10.15507/1991-9468.107.026.202202.345-362>

Original article

Protest Potential of Regional Students in Russia: Social Prerequisites

I. S. Shapovalova , I. N. Valieva

Belgorod State National Research University, Belgorod, Russian Federation

 shapovalova@bsu.edu.ru

Abstract

Introduction. The protest potential of youth is a complex, integrative concept that allows one to assess the existing prerequisites for the emergence of protest tension, protest readiness and protest activity of the subject. The scientific problem facing the industry community is establishing continuity between these indicators and predicting possible incidents in the youth environment, as well as significant behavioral reactions to social risks of the environment.

Materials and Methods. The article proposes the results and analysis of materials from a 2021 study conducted among student youth in the Russian region (Belgorod Oblast) using a combined survey method (online survey and tablet interviews), using a spontaneous sample, in which quantitative limits were laid for the participation of respondents from different educational institutions, directions of training and courses. On the basis of the developed online form, 1557 respondents, aged 18 to 24, who study at regional universities, were interviewed.

Results. On the basis of the proposed typology of protest potential, the regional protest potential of student youth is defined as a “progressive” type – a ripening protest mood, which has a particularly well-grounded discontent and readiness for its manifestation. The regional prerequisites for the formation of protest tension based on the reflection of the social situation, assessment of social security, diagnostics of violation of constitutional rights and freedoms, as well as discrimination of young people in the areas of receiving social services have been determined. Revealed the protest readiness not only to permitted, but also to prohibited forms of protest, determined the indices of the likelihood of the implementation of protest practices by student youth in the region. The protest activity of student youth was assessed as insignificant in the field of illegitimate forms of protest.

Discussion and Conclusion. The data obtained make it possible to clarify a number of provisions related to the political activity of young people, to supplement the scientific basis on this issue of sectoral sociologies (youth sociology, political sociology), to actualize the scientific problem of finding and developing methodological tools for measuring the prerequisites of protest potential, creating mathematical models for predicting youth protest activity. Research materials have been and can be in demand by governing bodies of state youth policy of different levels, state and municipal governing bodies, governing bodies of the Ministry of Internal Affairs, youth organizations, and educational institutions.

Keywords: youth, social well-being, rights and freedoms, violation of rights, protest activity, protest potential, discrimination

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR and EISR, project number 21-011-31728 “Political thinking of young people in the Russian space of political choice and self-identification”.

Conflict of interests: The authors declare no conflict of interest.

For citation: Shapovalova I.S., Valieva I.N. Protest Potential of Regional Students in Russia: Social Prerequisites. *Integration of Education*. 2022;26(2):345–362. doi: <https://doi.org/10.15507/1991-9468.107.026.202202.345-362>

Введение

Протестная активность российской молодежи в 2020–2021 гг. неоднократно становилась темой для обсуждения – являлась поводом как для панических высказываний о высокой протестной готовности, так и для сокрушения о политической индифферентности, инертности молодого поколения. Такая поляризованность оценок обусловлена «плавающей» нормативностью по отношению к этому вопросу: что считать нормальным в измерении ситуаций, дающих повод для протеста: инфантильную отстраненность и исключенность из новостной повестки, консервативное смирение, «взрослую» рефлексию, конструктивную критику в правовом поле, импульсивную реакцию на абсурдную действительность? За каждой из этих позиций стоит определенный социальный тип со своими социальными чертами, социальными стратегиями и социальным менталитетом – превалирование и конфигурация соотношения этих типов, по сути, формируют гражданское национальное пространство будущего, «топографию» национального характера.

Безусловно, страшны несанкционированные протестные акции с участием молодежи своей непредсказуемостью, агрессивностью, неуправляемостью, каталитической способностью вызывать непопулярный отклик со стороны властей, ужесточение ситуации. Страшны они и своей деформацией молодежного характера, судьбы, своими последствиями, которые, как правило, захватывают широкий круг референтных для молодого человека лиц. С другой стороны, подавление протестного мышления, протестной инициативы формирует поведенческие паттерны отстраненности, исключенности, равнодушия, безыдейности. Воспроизводство массовой безоценочности приводит к снижению критичности, что непосредственно связано с интеллектуальными потенциалами.

Цель статьи – демонстрация результатов социологического исследования,

проведенного Международным центром социологических исследований Белгородского государственного национального исследовательского университета в 2021 г. на массиве студенческой молодежи Белгородского региона; оценка существующего уровня и границ протестного потенциала по отношению к протестной активности; демонстрация существующих социальных предпосылок в оценках студенческой молодежи, способных актуализировать ее протестный потенциал в действие.

Обзор литературы

Говоря об исследовательском научном базисе статьи, целесообразно разделить тематические публикации по четырем основным направлениям – предпосылки, факторы, условия, формирующие протестные характеристики в молодежной среде (методологические основы); протестный потенциал, под которым мы будем понимать критичность в оценке социальной ситуации, актуализацию предпосылок для возникновения политической активности; протестную готовность, являющуюся уровнем легитимации в молодежном сознании форм и мероприятий протеста; протестную активность, представляющую собой опыт и реальность молодежных протестных практик.

В ряде исследовательских работ, обращающих на себя внимание в исследовании предпосылок формирования протестных настроений в молодежной среде, отметим статьи, в которых проведен системный анализ молодежной субкультуры, молодежной среды, формирующей протестные настроения и протестную активность. Такие методологические основы мы находим как правило у ученых-юнологов, ведущими из которых являются Ю. А. Зубок, Т. К. Ростовская, Н. Л. Смокотина¹, О. И. Габа [1], Н. В. Проказина [2]. Не менее важны работы, посвященные сути и содержанию молодежного протеста [3–5]. Весомый вклад в изучение протестной активности молодежи вносят дискуссии о собственно молодежной

¹ Зубок Ю. А., Ростовская Т. К., Смокотина Н. Л. Молодежь и молодежная политика в современном российском обществе. М. : ИТД «ПЕРСПЕКТИВА», 2016.

рефлексии ее протестного настроения, где «суждения молодежи о протестных акциях являются не только субъективным отражением реальных протестных процессов, но и результатом конструирования их причин в индивидуальном и массовом сознании» [6, с. 104].

В научных публикациях о протестном потенциале, помимо системного анализа разных ракурсов его изучения² [7], предпринимаются попытки развести понятия (потенциал, готовность и активность), найти грань перехода его в протестную практику, в том числе и с использованием конкретных кейсов [8].

Изучение протестной готовности сопряжено с замерами актуального состояния социального напряжения и обусловленных таким состоянием одобрением и выбором возможных протестных форм. Эти исследования особенно ценны в региональном значении, так как апеллируют к конкретной региональной ситуации, к региональному набору факторов напряженности. Например, Е. Б. Марин рассматривает протестное настроение студенчества Приморского края [9], Д. В. Руденкин анализирует трансформацию показателя протестного настроения молодежи после политических столкновений 2017 г. [10] и ситуацию «протестного Екатеринбурга» с позиции влияния на протестные настроения региональной молодежи [11].

Анализ протестной активности в научных работах связан с попыткой систематизации форм такой активности [12; 13], поиском концептуальной основы, выделением специфики протестной активности студенчества, обусловленной менталитетом и(или) вузовской средой [14], обозначением генерационной парадигмы [15–17].

Для социолога-«инструментальщика» очень важна возможность посмотреть на проблему с точки зрения операционализации и аналитических манипуляций

с информацией. Работ, которые позволяют это сделать, не так много. Так, в статье Д. Г. Михайличенко и А. А. Фазлыева дан пример поиска индикаторов протестного потенциала молодежи [18], а Г. В. Баранова описывает методику анализа протестной активности населения (которая может быть адаптирована для молодежной аудитории) [19].

Картина протеста всегда связана с социальной ситуацией региона, однако в результатах анализа специфики молодежного протеста у всех исследователей остается много общего – уровень критичности молодежи, социальное отторжение действительности, восприятие среды, поведенческие установки и реакции. Все это становится очевидным при рассмотрении проблем протестного поведения молодежи в российских регионах³ [20].

Для сравнительного анализа мы провели теоретический поиск по аналогичной зарубежной тематике. Акценты, расставляемые научным сообществом при изучении протестного потенциала молодежи, несколько различаются. Как правило, мы находим статьи, посвященные протестам молодежи как фактора изменения общественных настроений или политической ситуации, т. е. не предпосылки, влияющие на протестное настроение, а само протестное настроение и протестная активность как предпосылки социальных изменений – вот, что вызывает интерес зарубежных ученых. Подтверждение наших выводов можно найти в статье Р. Павлика, где рассмотрено влияние протестов молодежи на политические настроения в Чили. Автор наглядно доказывает на динамике исследования протестов студенческой молодежи, что «близость к протестам студентов колледжей оказывает значительное влияние на различные политические взгляды. <...> Результаты подчеркивают важность мобилизации усилий в формировании индивидуальных политических

² Социологический анализ протестного потенциала российской студенческой молодежи / А. А. Козлов [и др.]; под ред. А. А. Козлова. СПб., 2020. URL: <https://rcsoc.spbu.ru/publikatsii/916-sotsiologicheskij-analiz-protestnogo-potentsiala-rossijskoj-studencheskoj-molodezhi.html> (дата обращения: 20.07.2021).

³ Шаповалова И. С. Проявления экстремистских настроений в среде студенческой молодежи // Управление в XXI веке: сборник статей по материалам Междунар. науч.-практ. конф. Белгород, 2015. С. 164–172. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30018850> (дата обращения: 20.07.2021).

взглядов и роль, которую социальные движения играют в процессе разработки политики» [21, р. 72]. М. Снеллинджер рассматривает молодежные протесты как переходную форму политического участия, способную привести не просто к легитимизации молодежного включения в процессы управления, но и институционализации государственной молодежной политики собственно «руками» молодежи (на примере ситуации в Непале) [22].

Для ряда ученых кейсы конкретных протестов становятся объектом исследования с позиции новых протестных форм и методов. Так, А. Ацеведо-Таразона и А. Корреа-Лугос анализируют «новые способы мобилизации и актуальность социальных сетей для решения таких проблем, как защита образования и защита окружающей среды» в Колумбии [23]. Среди нашего дискурса также встречаются исследования, где оценивается роль информационных технологий в формировании протестной готовности молодежи [17; 24].

Английские ученые Л. Данлоп, Л. Аткинсон, Д. Мак Киоун, М. Туркенбург-ван Дипен видят в экологических протестах образовательную функцию как с позиции правовой и политической культуры, так и с точки зрения экологического мышления: «Опираясь на фокус-группы со 121 молодым человеком (в возрасте 15–19 лет) в пяти школах и колледжах рядом с объектами, которые пережили протесты против гидроразрыва пласта в Англии и Северной Ирландии, мы обнаружили, что молодые люди хорошо осведомлены о возможностях формальной и неформальной политической жизни, участия на фоне разочарования в формальных политических процессах и различных уровнях поддержки протеста. Мы считаем протесты разрушительными, вызывающими разногласия, крайностями, менее желательными, чем другие формы участия, и неэффективными для осуществления изменений, но эффективными для повышения осведомленности» [25].

В международной научной повестке чаще, чем в российской, мы встречаем анализ конкретных протестных акций, ситуаций, рассмотрение факторов, их вы-

завших и последствий, к которым они привели. Это дает возможность не говорить о виртуальных характеристиках протестного настроения, а оперировать конкретными каузальными отношениями «предпосылка – реакция» (мы видим это в статьях, посвященных молодежным протестам в Египте [26], в Эфиопии [27], В Италии [28], в Индии [29], в Таиланде [30]).

Установив такой разрыв в международном дискурсе, мы считаем, что для российской науки возникает потребность установить связь между существующими предпосылками, формирующими протестный потенциал и, собственно, его реализацией. В нашей работе мы постарались соединить все аспекты анализа протестного потенциала – его предпосылки, формируемые социальной средой в локальности конкретного российского региона, ту протестную готовность, которая возникает у молодежи в ответ на «сужение кольца» негативных факторов и обстоятельств и, собственно, выход протестной энергии в протестную активность во всем многообразии ее форм.

Материалы и методы

В рамках тематики статьи в 2021 г. Международным центром социологических исследований Белгородского государственного национального исследовательского университета было проведено исследование, целью которого было определение протестного потенциала региональной студенческой молодежи посредством анализа предпосылок протестного настроения в оценке социальной ситуации. Локальным сообществом респондентов выступило студенчество Белгородской области – российского региона, отличающегося своим относительным спокойствием (в протестном плане) и благополучием. В качестве гипотезы было выдвинуто предположение о существующем социальном напряжении в студенческом сообществе, которое выражается в протестной готовности, но пока не проявляется явно в протестной активности.

В качестве материалов исследования был использован инструментарий, разработанный сотрудниками центра

и апробированный в 2018 г. на студенческих выборках региона и в экспертном обсуждении (в качестве экспертов были привлечены ученые-юнологи, политологи, культурологи, сотрудники служб безопасности). Достоверность полученных в 2021 г. данных подтверждается сохранением трехгодичной территориальной тенденции.

Методом исследования был определен формализованный опрос, рекрутинг респондентов осуществлялся как посредством онлайн-обращений, так и в рамках уличного опроса (планшетные интервью). Инструментарий располагался на онлайн-платформе, что позволило вести оперативный контроль за набором запланированной выборки. Выборка, квотная по полу, возрасту, направлениям подготовки провинциальной студенческой молодежи, составила 1 557 респондентов (ошибка выборки по отношению к региональному студенческому сообществу 2,44 % при доверительной вероятности 95 %). Все респонденты были проинформированы о цели исследования и выразили готовность и согласие к сотрудничеству.

В качестве основных операционализованных показателей, заложенных в анализ данных, выступали предпосылки протестного настроения в оценке социальной ситуации; предпосылки, скрывающиеся в оценке соблюдения гражданских прав и свобод; факторы протеста, заложенные в показателях социальной защищенности; рельеф дискриминации и неравенства молодежи в получении социальных услуг.

Результаты исследования

Рассматривая протестный потенциал молодежи, мы говорим о трех составляющих. Во-первых, об уровне негативной оценки субъектами факторов социальной среды, способных вызвать неудовлетворенность и подтолкнуть к протестным действиям, во-вторых, о готовности к протестным действиям, в-третьих, о доле молодежи реально участвующих (участвовавших) в протестах. Соединение этих трех составляющих протестного потенциала позволяет нам предложить типологию протестного потенциала социальной группы – в нашем случае студенческой молодежи (табл. 1).

Для определения протестного потенциала социальной группы остается неразрешенным вопрос: какова нормативность каждой из составляющих протестного потенциала? Так, измерение предпосылок само по себе представляет собой модель из множества показателей и индикаторов, индексация которой весьма сложна. Можно лишь утверждать, что в случае диагностики таких предпосылок мы говорим об удовлетворенности ситуацией социальных групп, а значит можем предложить уровневую оценку – где низкий уровень удовлетворенности (от 50 до 65 %) и тем более возникновение неудовлетворительных значений – ниже 50 % – уже становится поводом «засчитать» предпосылку как существующую.

Измерение готовности связано с совсем другими значениями – превышение 20 % для протестных практик будет критической величиной, а в случае «агрессивных» технологий и 10 % будет вызывать опасения.

Таблица 1. Типология протестного потенциала
Table 1. Typology of Protest Potential

№	Типы протестного потенциала / Types of Protest Potential	Предпосылки / Prerequisites	Готовность / Readiness	Активность / Activity
1	Отсутствующий / Missing	–	–	–
2	Средовой / Environment	+	–	–
3	Сублимированный / Freeze-dried	–	+	–
4	Радикальный / Radical	–	–	+
5	Прогрессирующий / Progressive	+	+	–
6	Экспрессивный / Expressive	+	–	+
7	Оппозиционный / Opposition	–	+	+
8	Тотальный / Total	+	+	+

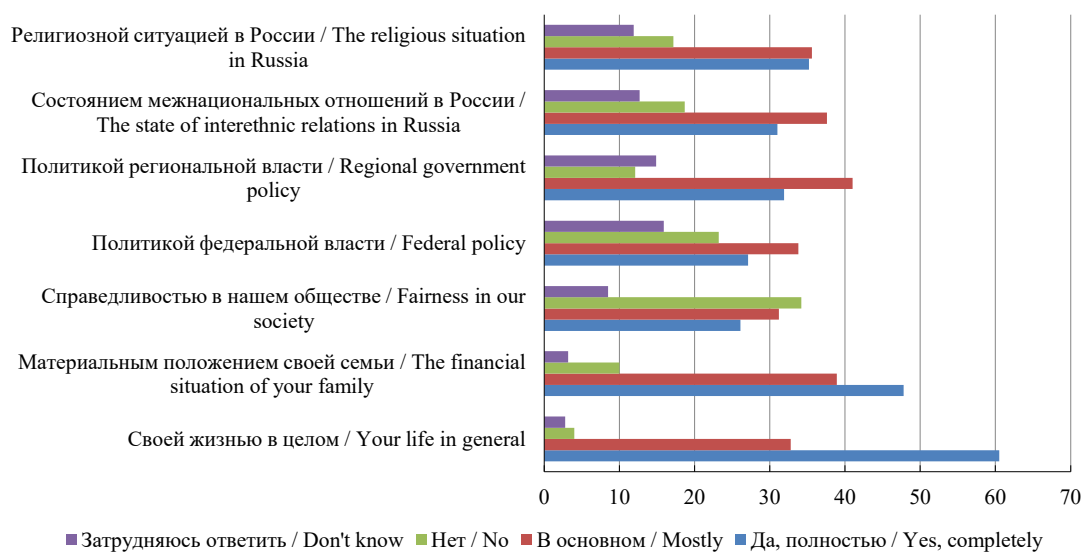
Протестная активность еще более чувствительна к малым значениям – приближение к 5 % можно считать уже источником тревоги для региона.

В рамках исследования нам удалось рассмотреть различные трактовки конкретных значений каждого показателя применительно к региональной ситуации. Объясняя протестную активность молодежи, сотрудники административных органов разного уровня, как правило, отмечают причины, связанные с субъективной социальной ситуацией (сложным экономическим положением, фрустрацией, обидой, воспитанием и т. п.). Результаты, полученные в рамках нашего исследования, показали, что молодежь удовлетворена своей личной ситуацией и даже материальным положением своих семей (в той или иной степени удовлетворены этими показателями 93,3 % и 86,4 %), чего нельзя сказать об общей социальной ситуации, в том числе и о политике нашей страны, направленной на урегулирование религиозных и межнациональных вопросов и конфликтов (рис. 1).

В той или иной степени удовлетворены справедливостью в нашем обществе только 57,3 % регионального студенчества, а число неудовлетворенных увеличивается до 34,2 %. Второе место занимает

политика федеральных властей – практически четверть студентов оценивают ее негативно. На наш взгляд, это две ключевые предпосылки, формирующие общий фон протестного потенциала исходя из оценки социальной ситуации.

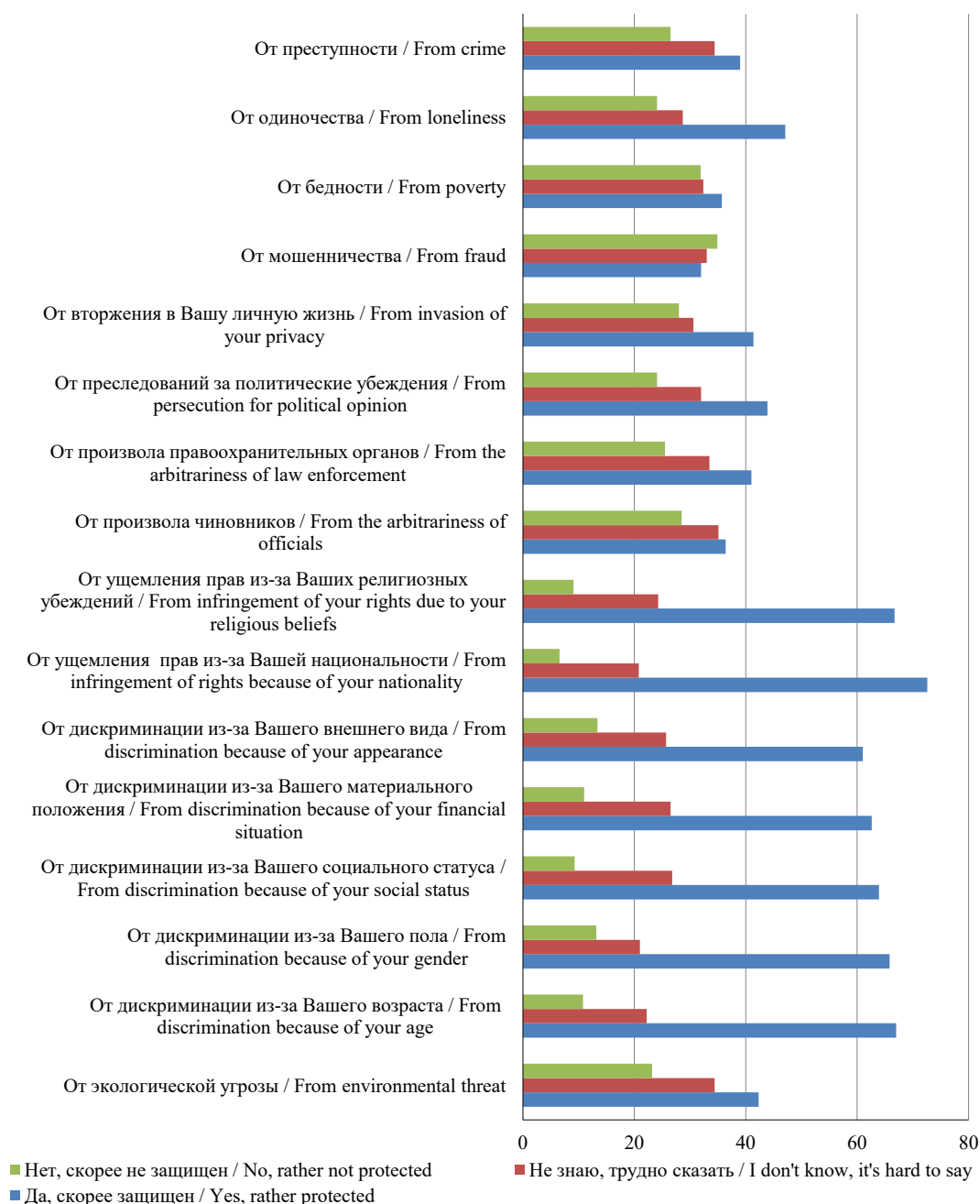
Вторая группа предпосылок скрыта в показателях социальной защищенности – нарушение чувства безопасности способно вытолкнуть социальную группу на протест; защита своих социальных и психологических границ, даже при потенциальной, вероятностной угрозе, становится важным фактором, формирующим протестный потенциал. Студенческая молодежь показывает рейтинг таких угроз, которые возглавляет незащищенность от мошенничества и бедности – более 30 % испытывают страх перед этими рисками. Мошенничество (34,9 %), как и преступность (26,5 %), являются перманентным риском «враждебной среды» (как правило не связанным с протестной активностью), бедность (31,9 %) – риском, вызывающим протест, обусловленный несправедливостью распределения ресурсов. Если посмотреть на следующие позиции, по которым не чувствуют себя в безопасности практически или более четверти регионального студенчества, мы увидим «страхи»,

Р и с. 1. Оценка удовлетворенности студентов социальной ситуацией
 F i g. 1. Assessment of students' satisfaction with the social situation

порожденные «кейсами действительности» – произвол чиновников (28,5 %), риск вторжения в личную жизнь (28,0 %), произвол правоохранительных органов (25,5 %), преследование за политические убеждения

(24,1 %). Все это реальное «поле будущего протеста», мы говорим о весомых предпосылках для возникновения протестного напряжения, предшествующего протестной готовности (рис. 2).

Р и с. 2. Распределение ответов на вопрос: «На сегодняшний день чувствуете ли Вы себя защищенным от следующих опасностей?»

F i g. 2. Distribution of answers to a question: "As of today, do you feel protected from the following dangers?"

Хочется также зафиксировать один немаловажный показатель – достаточно большую группу, указавшую на незащищенность от одиночества – 24,1 %, по сути, миллениумов, «рожденных с гаджетом в руке» – и возникающий парадокс «одиночества в сети. Уязвимость нашей взрослеющей молодежи куда больше, чем нам кажется. Также обращает на себя внимание группа респондентов, фиксирующая экологические угрозы и риски оказаться недееспособными в противостоянии им – немаловажный результат экологического воспитания и экологического сознания, сформировавшегося у молодого поколения. Данная позиция также может выступать при определенных обстоятельствах как зона будущего протеста.

В проводимых научным коллективом исследованиях, посвященных социальным стратегиям молодежи, был определен наиболее значимый молодежный ориентир в рамках политических стратегий – это, безусловно, либеральная позиция (50,7 %), вторым выбором по значимости стали социал-демократические принципы (13,8 %), семантическим ядром данных политических векторов является понятие «свобода». В настоящем исследовании мы смогли определить ранги прав и свобод, заложенных в российской Конституции. Все они очень важны для студенчества, их значимость не опускается ниже 70 % выборов. Так, 90 % выборов превышает важность таких прав и свобод, как право на обучение, личную собственность, безопасность и защиту личности, труд, тайну конфиденциальной информации, равенство перед законом. В ряду условно менее важных оказались только право на эмиграцию и право на объединение в группы и союзы (рис. 3).

Дизайн исследования позволил определить группы, столкнувшиеся с нарушением прав, и при этом разделить их на отстаивавших свои права и добившихся успеха, и тех, чьи действия по защите собственных прав оказались бесполезны. Существующие ситуации с нарушением прав и их отстаиванием коснулись не

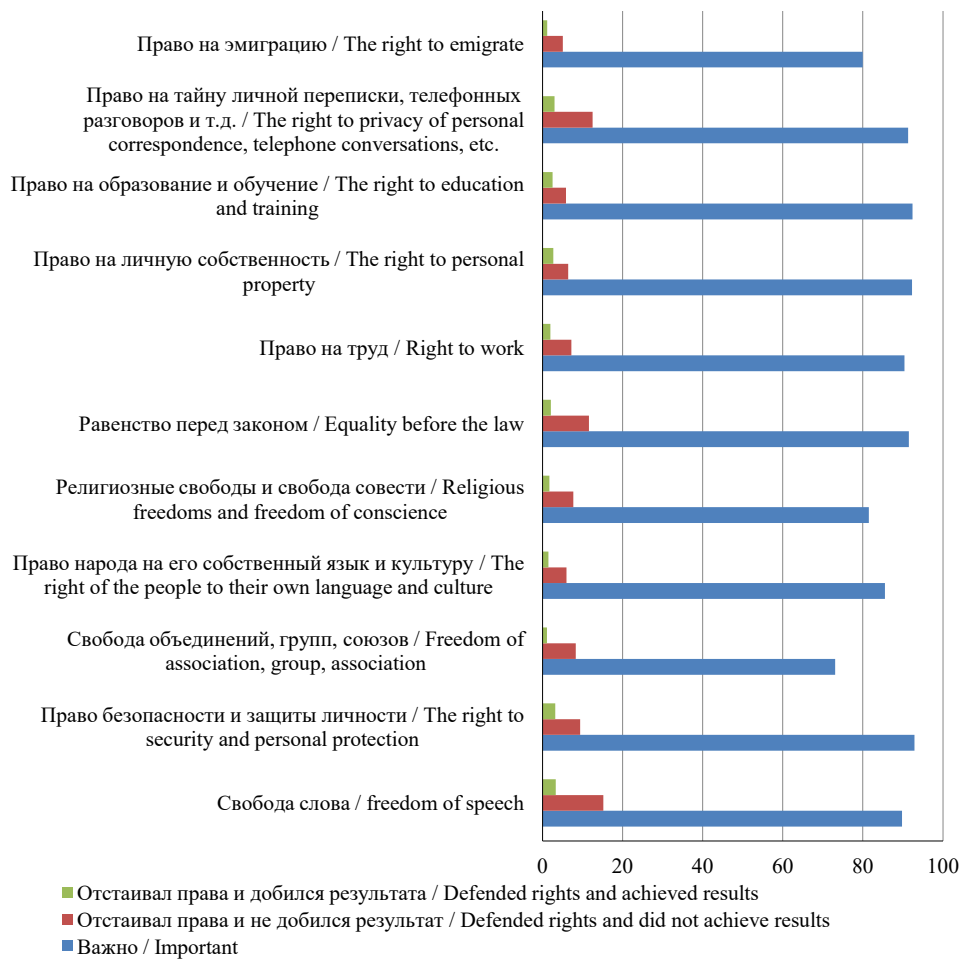
такого большого количества студентов, но все-таки чаще всего переходит через 10-процентный рубеж.

Большая часть студентов столкнулась с ситуациями нарушения свободы слова (18,5 %), права на тайну конфиденциальной информации (15,5 %), равенства перед законом (13,7 %) и безопасность и защиту личности (12,6 %). В этих же случаях мы видим наибольшее количество негативного опыта отстаивания своих прав (15,2, 12,5, 11,6, 9,4 % соответственно).

В рамках опроса была построена карта неравенства современной молодежи, которая позволяет обозначать предпосылки и риски барьеров реализации возможностей и потенциалов молодых людей и определять дополнительные предпосылки для формирования протестной готовности и активности.

В силу специфики возраста и прева-лирования одной из сфер (образование) все факторы дискриминации по степени своего наличия раскрываются преимущественно в сфере образования. При этом наиболее значимым фактором здесь становится пол респондентов (25,6 %), возраст (22,3 %), внешний вид (22,2 %), статус родителей (22,0 %). В системе здравоохранения карту неравенства молодежи возглавили возраст (11,1 %), здоровье (11,1 %), профессиональный статус (9,4 %). В карьерном продвижении (насколько это возможно было ответить для молодежи, которая имеет только первичный опыт трудоустройства) как значимый отмечен возраст (10,3 %), пол (9,0 %) и предыдущее образование (8,0 %) (табл. 2).

В системе обслуживания (торговля, услуги) часто используется фактор дискриминации по возрастному и половому признаку (9,9 и 7,9 %), в правоохранительных органах к этому набору добавляется национальность (2,2 %), территория проживания и наличие нужных связей (2,0 %). В сфере оказания государственных и муниципальных услуг одно-значным «фаворитом» становится возраст дискриминируемых (2,6 %).

Р и с. 3. Распределение ответов на вопросы: «На сколько важно для Вас строгое соблюдение следующих прав и свобод в нашей стране?» и «Сталкивались ли Вы за последние 12 месяцев с нарушением перечисленных прав и свобод, как Вы поступали в таких случаях и с каким результатом?»

F i g. 3. Distribution of answers to questions: “How important is the strict observance of the following rights and freedoms in our country for you?” and “In the last 12 months, have you faced violation of these rights and freedoms, how did you act in such cases and what was the outcome?”

Т а б л и ц а 2. Карта неравенства в рефлексии студенческой молодежи
T a b l e 2. M a p o f i n e q u a l i t y i n t h e r e f l e x i o n o f s t u d e n t y o u t h

Факторы дискриминации / Factors of Discrimination	В системе образования / In the education system	В системе здравоохранения / In the health care system	В профессиональной деятельности и карьерном продвижении / In professional activity and career advancement	В системе обслуживания / In the service system	При взаимодействии с правоохранительными органами / In interaction with law enforcement agencies	В системе оказания государственных и муниципальных услуг / In the system of providing state and municipal services	Ни в одной из сфер / None of the spheres
1	2	3	4	5	6	7	8
Пол / Gender	25,6	6,2	9,9	7,9	2,3	1,2	58,6
Возраст / Age	22,3	11,1	10,3	9,9	2,4	2,6	55,2

Окончание табл. 2 / End of table 2

1	2	3	4	5	6	7	8
Национальность, этнос / Nationality, ethnos	20,8	7,2	6,9	6,7	2,2	1,1	63,0
Сексуальная ориентация или отношение к ней / Sexual orientation or attitudes towards it	19,8	8,8	6,7	7,2	1,9	1,4	62,2
Религия / Religion	20,0	7,9	7,3	5,9	1,4	1,4	62,4
Политические взгляды / Political views	20,2	7,6	5,9	5,8	1,7	1,5	62,8
Статус родителей / Parent status	22,0	7,6	7,6	5,8	1,5	1,6	61,3
Семейный статус, наличие или отсутствие детей / Marital status, presence or absence of children	19,6	8,8	7,0	4,4	1,6	0,9	63,7
Территория проживания / Territory of residence	19,7	8,4	6,8	5,8	2,0	1,6	62,6
Наличие нужных связей и контактов / The presence of the necessary links and contacts	20,5	7,9	6,7	5,8	2,0	1,7	61,7
Образование / Education	19,6	7,7	8,0	5,3	1,1	1,1	63,7
Профессия / Profession	18,7	9,4	6,3	4,0	1,5	1,7	62,2
Должность / Position	19,6	7,6	6,7	4,8	1,4	1,0	63,9
Здоровье / Health	19,0	11,1	5,7	4,0	1,0	1,5	63,0
Материальное состояние / Material condition	20,7	8,8	7,2	5,6	1,4	1,3	61,9
Внешний вид / Appearance	22,2	8,3	6,6	7,7	1,7	1,8	60,0
Компьютерная грамотность / Computer literacy	20,4	7,9	5,9	5,7	1,7	0,9	63,4
Биография / Biography	19,3	8,4	6,2	5,2	1,5	1,2	63,1

Пол как фактор дискриминации молодежи проходит чаще всего в системе образования и в профессиональной деятельности, карьерном продвижении; возраст – в системах образования, здравоохранения и карьерном продвижении; национальность, сексуальная ориентация, религия, политические взгляды, семейный статус, территория проживания, наличие нужных связей, профессия, должность, здоровье, внешний вид, биография – в образовании и здравоохранении. Две данные системы по демонстрации примеров неравенства являются ключевыми для молодежи.

Опираясь на значения столбца таблицы «Ни в одной из сфер», мы можем рассчитать дискриминационную нагрузку каждого фактора и спрогнозировать его протестный потенциал. Без дополнительных расчетов становится очевидным, что в каждом факторе от 37 до 45 % студентов «заметили» создание ситуации неравенства и дискриминации. Так, для факторов возраста это почти 45 %, для пола – 41,4 %, для внешнего вида – 40,0 %.

Таким образом, предложенная нами карта неравенства наглядно показывает,

что около 40 % студентов имеют повод для протеста ввиду дискриминации, с которой они столкнулись в системе предоставления социальных услуг.

Эти и другие предпосылки формируют протестную готовность региональной молодежи. На рисунке 4 видно, что допустимость форм протеста прямо пропорциональна их «разрешенности». Однако 2021 г. (на фоне 5-летней истории замеров) показывает пиковую динамику по одобрению нелегитимных форм среди студенческой молодежи – угроза забастовкой, бойкот решения властей, пикетирование заведений, неразрешенные митинги, голодовки: от 20 до 33 % считают это возможным, 10 % – настроены воинственно, готовы в случае необходимости захватывать здания и участвовать в вооруженных столкновениях. Это очень серьезная ситуация, переводящая протестную готовность в экстремистскую. Обозначенные нами предпосылки имеют действительно серьезный резонанс в молодежном сознании и трансформируются в реальную протестную готовность. Разрешенные формы (которые в современных условиях имеют весьма неустойчивую легитимность

и нормативность) поддерживаются рекордным количеством студентов.

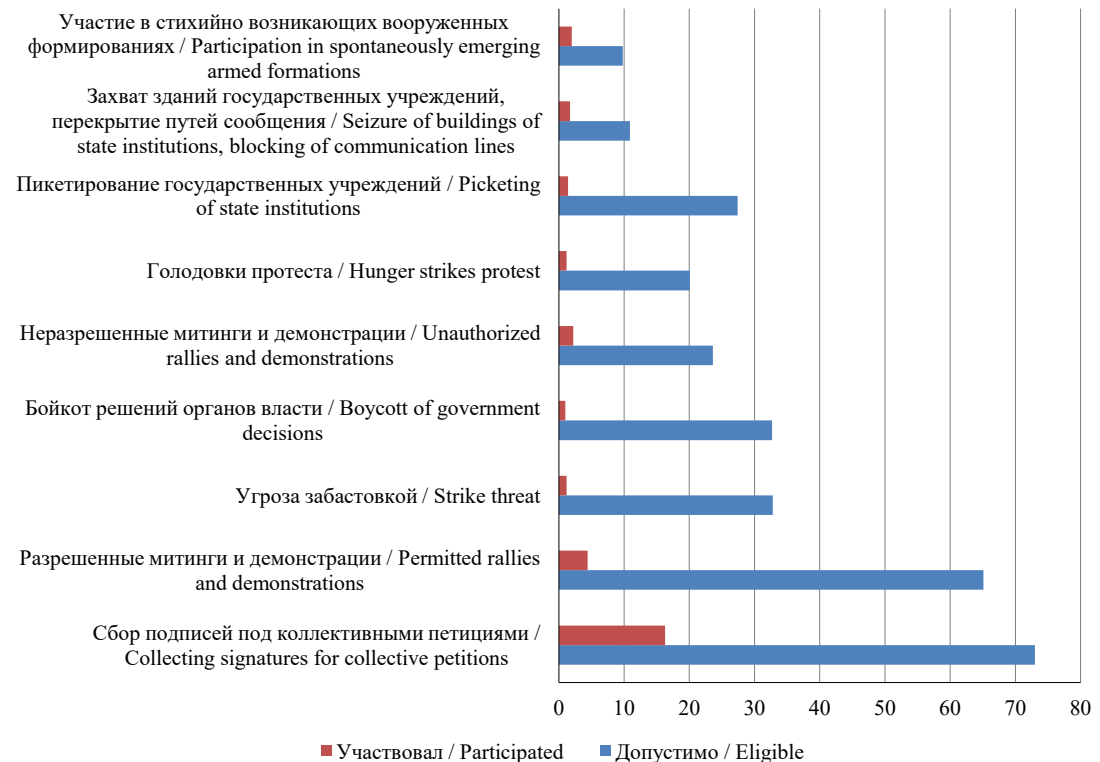
Протестная активность региональной молодежи также имеет высокие значения: в легитимной составляющей доходят до 16 %, в нелегитимной – превышают 2 %. Соотношение между протестной активностью и готовностью колеблется от 1/4,5 (в сборе подписей под коллективными петициями) до 1/14,7 (участие в разрешенных митингах и демонстрациях). Чем меньше разница в таком соотношении, тем больше вероятности перехода протестной готовности определенных социальных групп, поддерживающих протестную практику, в протестную активность. Можно условно разделить все практики по этой метрике на высоковероятные (до 1/5), средневероятные (до 1/10) и маловероятные (разрыв более чем 1/10) (табл. 3).

Таким образом, мы видим некоторый гражданский парадокс – наибольшей

вероятностью перехода протестной готовности в протестную активность обладают практики, крайние в своей легитимности – от разрешенных подписей под петициями до экстремистского участия в вооруженных формированиях. «Мостиком вероятности» становится также экстремистская протестная технология захвата зданий и несанкционированные протестные митинги.

Обсуждение и заключение

Обобщив полученную информацию для определения типа протестного потенциала региональной студенческой молодежи, обозначим предпосылки для его формирования. Критическая оценка ситуации и смещения локуса с субъектной позиции на системную показывает, что треть прогрессивной молодежи имеет нормативную картину общественной справедливости, далекую от реальной ситуации.

Р и с. 4. Распределение ответов на вопрос: «Какие формы протеста вы считаете эффективными и допустимыми для участия, в каких участвовали сами?»
Fig. 4. Distribution of answers to a question: “What forms of protest do you consider effective and acceptable for participation, and in which did you participate yourself?”

Т а б л и ц а 3. Вероятность трансформации протестной готовности в протестную активность студенческой молодежи

T a b l e 3. Probability of transformation of protest readiness into protest activity of students

Вероятность / Probability	Индекс вероятности / Probability index
Высоковоероятные / Highly probable	
Сбор подписей под коллективными петициями / Collecting signatures for collective petitions	1/4,5
Участие в стихийно возникающих вооруженных формированиях / Participation in spontaneously emerging armed formations	1/4,9
Средневероятные / Medium probable	
Захват зданий государственных учреждений, перекрытие путей сообщения / Seizure of buildings of state institutions, blocking of communication lines	1/6,4
Маловероятные / Unlikely	
Неразрешенные митинги и демонстрации / Unauthorized rallies and demonstrations	1/10,7
Разрешенные митинги и демонстрации / Permitted rallies and demonstrations	1/14,7
Голодовки протеста / Protest hunger strikes	1/16,8
Пикетирование государственных учреждений / Picketing of state institutions	1/19,6
Угроза забастовкой / Strike threat	1/27,3
Бойкот решений органов власти / Boycott of government decisions	1/32,7

По нашему мнению, социальная справедливость – самый сложный показатель в этом ряду оценки, быстро вызывающий «гражданскую обиду» и, как ее следствие, переходящий в протестное напряжение. Практически четверть молодежи не удовлетворены федеральной политикой. Достаточно высокая удовлетворенность своей жизнью и материальным положением семьи придают протестным настроениям революционный, привлекательный для молодежного имиджа характер, лишенный личного смысла, формирует фундамент для федеральной солидаризации молодежи.

Увеличивает протестный потенциал и чувство незащищенности от рисков, напрямую связанных с социальной несправедливостью у четверти регионального студенчества (произвол чиновников и правоохранительных органов, риск вторжения в личную жизнь, преследование за политические убеждения). Такого рода предпосылки, подкрепленные высоким фоном дискриминации в молодежной среде, создают единую систему, «питающих» друг друга индикаторов – дискриминация и социальная незащищенность усиливают чувство социальной

несправедливости, которая в свою очередь формирует общее недовольство федеральной и региональной политикой.

Протестная активность региональной молодежи достаточно высока в разрешенных формах и мала в запрещенных практиках протеста. Большая часть практик имеет невысокий индекс вероятности реализации. Конечно, при отсутствии установленной нормативности сложно утверждать точно, но по этому сводному показателю стоит скорее говорить о его незначительности.

Таким образом, мы имеем дело с типом протестного потенциала, когда существуют реальные предпосылки для его развития, есть протестная готовность, но протестная активность не представлена так явно, как могла бы быть. Данный тип условно обозначен нами как «прогрессирующий» – зреющее протестное настроение, имеющее за собой обоснованное недовольство и готовность к его проявлению.

На фоне обозначенных показателей мы могли бы предположить, что такой протестный потенциал «оформлен» примерно у четверти регионального студенчества.

Итогом исследования становится подтверждение гипотезы: несмотря на видимое

спокойствие, которым можно охарактеризовать ситуацию в регионе, удовлетворенность социальной ситуацией, которую демонстрирует в ответах студенческая молодежь, не высока, можно говорить о достаточном социальном напряжении, формирующим предпосылки протестного потенциала. Протестный потенциал региональной студенческой молодежи проявляется в высокой протестной готовности и подавляемой (внешними факторами и региональным менталитетом) протестной активности.

Высокая неудовлетворенность социальной справедливостью, «кейсовые страхи», обусловленные реальной политической ситуацией в России, а также диагностируемый опыт в нарушении прав и свобод и безуспешности их отстаивания – все это формирует «социальный рычаг» протестного потенциала: использование существующих практик подавления протестных настроений, воздействия на молодежное сознание, «топорность» российской пропаганды, имеющие своей целью снизить социальное напряжение, напротив, дают дополнительные кейсы, подтверждающие сформированные оценочные установки. Низкий социально-инженерный ресурс и необоснованное административное самомнение не позволяют «изобрести» действенные и прежде всего конструктивно-разумные меры по нивелированию ситуации, а предлагаемые решения работают в режиме подкрепления протестных настроений.

Существующий протестный потенциал студенчества достаточно высок и требует особого внимания социальных институтов, прежде всего института высшего образования: начиная от идеологической, концептуальной его нормативности и заканчивая предложением современных, демократических, имеющих отклик

у молодежи, мер его регулирования и контроля. Современный университет, на наш взгляд, должен выработать прогрессивную модель «молодежи будущего»: свободный творческий лидер, способный нетривиально мыслить в свободном государстве, или послушный, ограниченный исполнитель в концепции «3 НЕ» (не вижу, не слышу, не говорю).

Задача вузовской общественности – во-первых, сформировать культуру протестного мышления студенческой молодежи. Во-вторых, создать поле доверия, коммуникации, где молодежь может высказывать, обсуждать свое видение. В-третьих, это не просто снятие ограничений, а стимулирование протестной активности в ее разрешенных формах, использование митингов и пикетов среди студентов как контролируемого выхода протестного напряжения, как легитимацию протестной готовности, перевод ее из разряда «запретного плода» в «практику обыденности». Все это трудный и долгий процесс, который требует не только методологической и методической основы, но и определенной команды, а также готовности организаций высшего образования посмотреть на ситуации, связанные со студенческим протестом, с другой, отличной от диктуемой внешними обстоятельствами, точки зрения.

Вклад в науку связан прежде всего с предложением ключевых индикаторов общественной оценки, влияющих на воспроизводство протестного потенциала. Важным вкладом также являются результаты, связанные с представлением об особенностях формирования и проявления протестного потенциала региональной студенческой молодежи, что органично дополняет разделы социологии молодежи, посвященные ее политической активности и социализации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Габа О. И. Молодежь как субъект протестных настроений // Знание, понимание, умение. 2015. № 1. С. 144–151. doi: <http://doi.org/10.17805/zpu.2015.1.13>
2. Меркулов П. А., Проказина Н. В. Методологические подходы к анализу протестной деятельности молодежи // Среднерусский вестник общественных наук. 2017. Т. 12, № 1. С. 15–23. URL: https://orel.ranepa.ru/upload/iblock/a0e/MerkulovPA_ProkazinaNV.pdf (дата обращения: 20.07.2021).

3. Безрукова Е. Ю. Молодежный протест: риски, перспективы, последствия // Конфликтология. 2020. Т. 15, № 1. С. 94–103. doi: <http://dx.doi.org/10.31312/2310-6085-2020-15-1-94-103>
4. Ковтун Е. И. Специфика современных молодежных протестных движений // Вопросы политологии. 2019. Т. 9, № 4. С. 712–721. URL: <http://gmanagement.ru/index.php/ru/arxiv/182018-2/884-eikovtun-192019> (дата обращения: 20.07.2021).
5. Чеботарева И. В., Мрочко Л. В., Пирогова Л. И. Причины и особенности протестных настроений в молодежной среде // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2019. № 3. С. 145–152. doi: <http://doi.org/10.24151/2409-1073-2019-3-145-152>
6. Шайхисламов Р. Б., Асадуллина Г. Р., Садретдинова Э. В. Молодежные протестные настроения глазами российской молодежи // Научный результат. Социология и управление. 2021. Т. 7, № 3. С. 104–121. doi: <http://doi.org/10.18413/2408-9338-2021-7-3-1-0>
7. Авцинова Г. И. Протестный потенциал российской молодежи: парадигмы исследования и политическая практика // PolitBook. 2015. № 1. С. 111–126. URL: https://politbook.online/images/pdf/PolitBook2015_Issue_1.pdf (дата обращения: 20.07.2021).
8. Шлыкова Е. В. Потенциал протестной активности молодежи в условиях риска: анализ случая // Вестник Института социологии. 2015. Т. 6, № 2. С. 117–136. URL: <https://www.vestnik-isras.ru/article/338> (дата обращения: 20.07.2021).
9. Марин Е. Б. Молодежные протестные настроения в Приморском крае (на примере студенчества) // Вестник Института социологии. 2018. Т. 9, № 3. С. 63–82. doi: <http://doi.org/10.19181/vis.2018.26.3.524>
10. Руденкин Д. В. Протестные настроения российской молодежи через год после митингов 2017 г. // Социодинамика. 2019. № 2. С. 23–33. doi: <http://doi.org/10.25136/2409-7144.2019.2.28963>
11. Руденкин Д. В. Импульсы роста протестной активности российской молодежи: кейс Екатеринбург // Конфликтология / nota bene. 2020. № 1. С. 1–14. doi: <http://doi.org/10.7256/2454-0617.2020.1.32326>
12. Авцинова Г. И., Воронина Е. Ю. Инновационные формы протестной активности молодежи // PolitBook. 2014. № 3. С. 15–26. URL: https://politbook.online/images/pdf/PolitBook2014_Issue_3.pdf (дата обращения: 20.07.2021).
13. Ищенко О. В., Магсумов Т. А. Вовлечение учащейся молодежи в протестное движение в России на рубеже XIX – XX вв. // Bylye Gody. 2020. Vol. 55, issue 1. P. 258–271. doi: <https://doi.org/10.13187/bg.2020.1.258>
14. Савченко Д. С. Протестная гражданская активность российского студенчества: социологический анализ // Russian Journal of Education and Psychology. 2012. № 12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/protestnaya-grazhdanskaya-aktivnost-rossiyskogo-studenchestva-sotsiologicheskii-analiz> (дата обращения: 20.07.2021).
15. Бродовская Е. В., Хуанг Т. Цифровое поколение: гражданская мобилизация и политический протест российской молодежи // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 5. С. 3–18. doi: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.01>
16. Пырма Р. В. Восстание поколения Z: новые политические радикалы // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2017. Т. 7, № 2. С. 43–50. URL: <https://humanities.fa.ru/jour/article/view/144/133> (дата обращения: 20.07.2021).
17. Титов В. В. Стратегии социального протеста молодежи в рунете: сравнительный анализ поколений Y и Z // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 139–158. doi: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1674>
18. Индикаторы определения протестного потенциала молодежи в современной России // Д. Г. Михайличенко [и др.] // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Культурология. Вып. 31. 2013. № 38 (329). С. 47–49. URL: <http://www.lib.csu.ru/vch/329/010.pdf> (дата обращения: 20.07.2021).
19. Баранова Г. В. Методика анализа протестной активности населения России // Социологические исследования. 2012. № 10. С. 143–152. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/2013/03/11/1251435253/Baranova.pdf> (дата обращения: 20.07.2021).
20. Чекмарев Э. В. Роль молодежи в модернизации политической системы региона // Регионология. 2009. № 2. С. 41–49. URL: <https://regionsar.ru/ru/node/311> (дата обращения: 20.07.2021).
21. Disi Pavlic R. The Nearness of Youth: Spatial and Temporal Effects of Protests on Political Attitudes in Chile // Latin American Politics and Society. 2021. Vol. 63, issue 1. P. 72–94. doi: <http://doi.org/10.1017/lap.2020.33>
22. Snellinger A. From (Violent) Protest to Policy: Rearticulating Authority Through the National Youth Policy in Post-War Nepal // Modern Asian Studies. 2018. Vol. 52, issue 3. P. 1043–1075. doi: <http://doi.org/10.1017/S0026749X16000937>

23. Acevedo Tarazona, Álvaro, & Correa Lugos, A. D. Nuevos modos de protesta juvenil e indignación en Colombia // Revista Latinoamericana de Ciencias Sociales, Niñez y Juventud. 2021. Vol. 19, num. 2. P. 1–20. doi: <http://doi.org/10.11600/rllcsnj.19.2.4549>
24. Бареев М. Ю., Качурина И. О. Youtube как фактор формирования протестного потенциала молодежи // Регионология. 2019. Т. 27, № 3. С. 572–587. doi: <http://doi.org/10.15507/2413-1407.107.027.201903.572-587>
25. Youth Representations of Environmental Protest / L. Dunlop [et al.] // British Educational Research Journal. 2021. Vol. 47, issue 6. P. 1540–1559. doi: <http://doi.org/10.1002/berj.3737>
26. Liu J., Modrek S., Sieverding M. The Effects of Political Protests on Youth Human Capital and Well-Being in Egypt // Social Science and Medicine. 2019. Vol. 243. doi: <http://doi.org/10.1016/j.socscimed.2019.112602>
27. Abebe T. Lost Futures? Educated Youth Precarity and Protests in the Oromia Region, Ethiopia // Children's Geographies. 2020. Vol. 18. P. 584–600. doi: <http://doi.org/10.1080/14733285.2020.1789560>
28. Andretta M., Porta D. D. When Millennials Protest: Youth Activism in Italy // Italian Youth in International Context: Belonging, Constraints and Opportunities. London : Routledge, 2020. P. 41–57. doi: <http://doi.org/10.4324/9781351039949>
29. Ganie M. T. “All I Got Is Stones in My Hand”: Youth-Led Stone Pelting Protests in Indian-Administered Kashmir // Social Movement Studies. 2021. Vol. 20, issue 1. P. 115–123. doi: <http://doi.org/10.1080/14742837.2020.1770076>
30. Lertchoosakul, K. The White Ribbon Movement: High School Students in the 2020 Thai Youth Protests // Critical Asian Studies. 2021. Vol. 53, issue 2. P. 206–218. doi: <http://doi.org/10.1080/14672715.2021.1883452>

Поступила 06.08.2021; одобрена после рецензирования 17.01.2022; принята к публикации 26.01.2022.

Об авторах:

Шаповалова Инна Сергеевна, заведующий кафедрой социологии и организации работы с молодежью Белгородского государственного национального исследовательского университета (308015, Российская Федерация, г. Белгород, ул. Победы, д. 85), доктор социологических наук, доцент, **ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2855-8968>**, **Scopus ID: 56728382600**, **Researcher ID: R-6955-2016**, shapovalova@bsu.edu.ru

Валиева Ирина Николаевна, старший преподаватель кафедры социологии и организации работы с молодежью Белгородского государственного национального исследовательского университета (308015, Российская Федерация, г. Белгород, ул. Победы, д. 85), **ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5160-163X>**, valieva@bsu.edu.ru

Заявленный вклад авторов:

И. С. Шаповалова – подготовка содержательной части статьи.

И. Н. Валиева – участие в проведении исследования, первичном анализе данных; подготовка таблиц и графиков исследования.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Gaba O.I. Youth as a Subject of Protest Feelings. *Znanie. Ponimanie. Umenie*. 2015;(1):144–151. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <http://doi.org/10.17805/zpu.2015.1.13>
2. Merkulov P.A., Prokazina N.V. Methodological Approaches to the Analysis of the Youth Protest Activity. *Central Russian Journal of Social Sciences*. 2017;12(1):15–23. Available at: https://orel.ranepa.ru/upload/iblock/a0e/MerkulovPA_ProkazinaNV.pdf (accessed 20.07.2021). (In Russ., abstract in Eng.)
3. Bezrukova E.Yu. Youth Protest: Risks, Prospects, Consequences. *Konfliktologia*. 2020;15(1):94–103. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <http://dx.doi.org/10.31312/2310-6085-2020-15-1-94-103>
4. Kovtun E.I. Specificity of Modern Youth Protest Movements. *Political Science Issues*. 2019;9(4):712–721. Available at: <http://gmanagement.ru/index.php/ru/arkiv/182018-2/884-eikovtun-192019> (accessed 20.07.2021). (In Russ., abstract in Eng.)

5. Chebotareva I.V., Mrochko L.V., Pirogova L.I. Causes and Special Aspects of Protest Moods among Young People. *Economic and Social Research*. 2019;(3):145–152. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <http://doi.org/10.24151/2409-1073-2019-3-145-152>
6. Shaikhislamov R.B., Asadullina G.R., Sadretdinova E.V. Youth Protest Moods Through the Eyes of Russian Youth. *Research Result. Sociology and Management*. 2021;7(3):104–121. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <http://doi.org/10.18413/2408-9338-2021-7-3-1-0>
7. Avtsinova G.I. Protest Potential of Russian Youth: Research Paradigm and Political Practice. *PolitBook*. 2015;(1):111–126. Available at: https://politbook.online/images/pdf/PolitBook2015_Issue_1.pdf (accessed 20.07.2021). (In Russ., abstract in Eng.)
8. Shlykova E.V. Young People's Protest Potential in a High-Risk Environment: Case Study. *Vestnik instituta sotziologii*. 2015;6(2):117–136. Available at: <https://www.vestnik-isras.ru/article/338> (accessed 20.07.2021). (In Russ., abstract in Eng.)
9. Marin E.B. Youth Protest Moods in Primorsky Region (on the Example of Students). *Vestnik instituta sotziologii*. 2018;9(3):63–82. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <http://doi.org/10.19181/vis.2018.26.3.524>
10. Rudenkin D.V. Protest Moods of Russian Youth a Year after the 2017 Rallies. *Sotsiodinamika*. 2019;(2):23–33. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <http://doi.org/10.25136/2409-7144.2019.2.28963>
11. Rudenkin D.V. Growth Impulses of Protest Activity of Russian Youth: The Case of Yekaterinburg. *Konfliktologiya / nota bene*. 2020;(1):1–14. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <http://doi.org/10.7256/2454-0617.2020.1.32326>
12. Avtsinova G.I., Voronina E.Yu. Innovative Forms of Protest Active Youth. *PolitBook*. 2014;(3):15–26. Available at: https://politbook.online/images/pdf/PolitBook2014_Issue_3.pdf (accessed 20.07.2021). (In Russ., abstract in Eng.)
13. Ishchenko O.V., Magsumov T.A. The Involvement of Students in the Protest Movement in Russia at the Turn of the XIX-XX Centuries. *Bylye Gody*. 2020;55(1):258–271. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.13187/bg.2020.1.258>
14. Savchenko D.S. Student Civic Engagement and Protest Activities in Russia. *Russian Journal of Education and Psychology*. 2012;(12). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/protestnaya-grazhdanskaya-aktivnost-rossijskogo-studenchestva-sotsiologicheskij-analiz> (accessed 20.07.2021). (In Russ., abstract in Eng.)
15. Brodovskaya E.V., Huang T. Digital Generation: Civil Mobilization and Political Protest among Russian Youth. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2019;(5):3–18. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.01>
16. Pyrna R.V. Rebellion of the Generation Z: New Political Radicals. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2017;7(2):43–50. Available at: <https://humanities.fa.ru/jour/article/view/144/133> (accessed 20.07.2021). (In Russ., abstract in Eng.)
17. Titov V.V. Strategies of Youth Social Protest on the Russian Internet (RuNet): A Comparative Analysis of Generations Y and Z. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2020;(3):139–158. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1674>
18. Mikhaylichenko D.G., Fazlyev A.A., Abdrakhmanov D.M., Kireev N.N. [Indicators of Determination of Protest Potential of Youth in Modern Russia]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Kul'turologiya*. 2013;(38):47–49. Available at: <http://www.lib.csu.ru/vch/329/010.pdf> (accessed 20.07.2021). (In Russ.)
19. Baranova G.V. [Methods for Analyzing the Protest Activity of the Population of Russia]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*. 2012;(10):143–152. Available at: <http://ecsocman.hse.ru/data/2013/03/11/1251435253/Baranova.pdf> (accessed 20.07.2021). (In Russ.)
20. Chekmarev E.V. [The Role of Youth in the Modernization of the Political System of the Region]. *Regionologiya*. 2009;(2):41–49. Available at: <https://regionsar.ru/ru/node/311> (accessed 20.07.2021). (In Russ.)
21. Disi Pavlic R. The Nearness of Youth: Spatial and Temporal Effects of Protests on Political Attitudes in Chile. *Latin American Politics and Society*. 2021;63(1):72–94. doi: <http://doi.org/10.1017/lap.2020.33>
22. Snellinger A. From (Violent) Protest to Policy: Rearticulating Authority Through the National Youth Policy in Post-War Nepal. *Modern Asian Studies*. 2018;52(3):1043–1075. doi: <http://doi.org/10.1017/S0026749X16000937>
23. Acevedo-Tarazona A., Correa-Lugos A. New Modes of Youth Protest and Indignation in Colombia. *Revista Latinoamericana de Ciencias Sociales, Ninez y Juventud*. 2021;19(2):1–20. (In Spain, abstract in Eng.) doi: <http://doi.org/10.11600/rlicsnj.19.2.4549>
24. Bareev M.Yu., Kachurina I.O. YouTube as a Factor in Shaping the Protest Potential of Young People. *Regionology. Russian Journal of Regional Studies*. 2019;27(3):572–587. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.107.027.201903.572-587>

25. Dunlop L., Atkinson L., Mc Keown D., Turkenburg-van Diepen M. Youth Representations of Environmental Protest. *British Educational Research Journal*. 2021;47(6):1540–1559. doi: <https://doi.org/10.1002/berj.3737>
26. Liu J., Modrek S., Sieverding M. The Effects of Political Protests on Youth Human Capital and Well-Being in Egypt. *Social Science and Medicine*. 2019;243:112602. doi: <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2019.112602>
27. Abebe T. Lost Futures? Educated Youth Precarity and Protests in the Oromia Region, Ethiopia. *Children's Geographies*. 2020;18:584–600. doi: <http://doi.org/10.1080/14733285.2020.1789560>
28. Andretta M., Porta D.D. When Millennials Protest: Youth Activism in Italy. In: *Italian Youth in International Context: Belonging, Constraints and Opportunities*. London: Routledge; 2020. p. 41–57. doi: <http://doi.org/10.4324/9781351039949>
29. Ganie M.T. “All I Got Is Stones in My Hand”: Youth-Led Stone Pelting Protests in Indian-Administered Kashmir. *Social Movement Studies*. 2021;20(1):115–123. doi: <http://doi.org/10.1080/14742837.2020.1770076>
30. Lertchoosakul K. The White Ribbon Movement: High School Students in the 2020 Thai Youth Protests. *Critical Asian Studies*. 2021;53(2):206–218. doi: <http://doi.org/10.1080/14672715.2021.1883452>

Submitted 06.08.2021; approved after reviewing 17.01.2022; accepted for publication 26.01.2022.

About the authors:

Inna S. Shapovalova, Head of the Chair of Sociology and Organization of Work with Youth, Belgorod State National Research University (85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russian Federation), Dr.Sci. (Sociol.), Associate Professor, **ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2855-8968>**, **Scopus ID: 56728382600**, **Researcher ID: R-6955-2016**, shapovalova@bsu.edu.ru

Irina N. Valieva, Senior Lecturer of the Chair of Sociology and Organization of Work with Youth, Belgorod State National Research University (85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russian Federation), **ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5160-163X>**, valieva@bsu.edu.ru

Contribution of the authors:

I. S. Shapovalova – writing the main body of the article.

I. N. Valieva – participation in the conduct of the study, primary data analysis; preparation of tables and graphs of the study.

All authors have read and approved the final manuscript.